

Е. А. Бочков

Особенности организации материально-технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского военного конфликта в районе озера Хасан. 1938 г.

Советско-японский военный конфликт в районе озера Хасан (июль – август 1938 г.) стал серьезной проверкой не только боевой готовности соединений и частей Краснознамённого Дальневосточного фронта, но и способности органов тыла своевременно и в полном объеме обеспечить войска боеприпасами, горючим, продовольствием, фуражом, обмундированием... Материально-техническое обеспечение советских войск в ходе военного конфликта осуществлялось в сложных условиях и имело свои особенности, обусловленные как объективными, так и субъективными причинами.

Территория Приморского края РСФСР (и особенно Посыетский район, где развернулись боевые действия) была практически не обустроена в оперативно-тыловом отношении. Транспортная инфраструктура была не развита. Железные и шоссейные дороги отсутствовали. Имевшиеся в районе грунтовые дороги во время дождей становились непригодными для движения. Командующий 1-й Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армией комкор Г. М. Штерн¹, выступая на заседании Военного совета при Народном комиссариате обороны СССР 26 ноября 1938 г., так охарактеризовал состояние сухопутных коммуникаций в районе конфликта: «По сути дела, в этом направлении дорог нет, есть направление, по которому раз в три дня ходит повозка или машина пограничной заставы. Дорога в районе Заречинской и Сандоканца прорезывается протоками. При отсутствии мостов и после прошедших дождей эти протоки превращаются в бурную речку»². Морской транспорт был развит слабо. Небольшое количество пристаней, имеющих на советском побережье, по сво-

**Бочков Евгений
Анатольевич,**
доктор
исторических наук,
профессор, Научно-
образовательный
центр исторических
исследований и анализа
Ленинградского
государственного
университета имени
А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург)

ему предназначению были рыбацкими и не были приспособлены для погрузки и выгрузки крупнотоннажных судов.

Подготовка Дальневосточного театра военных действий к отражению возможной агрессии со стороны Японии объективно требовала не только увеличение численности войск и вооружения Красной армии, но и развития военной инфраструктуры в этом регионе. Длительное время военно-политическое руководство СССР отводило Дальневосточному театру военных действий второстепенное значение. В 1920–1930-е гг. на экономическое развитие и оборонное строительство в восточных районах страны выделялись минимальные ассигнования. Еще в конце 1920-х гг. наиболее дальновидные военачальники указывали на отсутствие на Дальнем Востоке экономической базы для обеспечения советских войск.

13 декабря 1928 г. на VIII партийной конференции Московского военного округа один из делегатов (комбриг Романов) в своем выступлении подверг критике правительство за то, что в восточных районах страны не развивается оборонная промышленность, на которую Красная армия могла бы опереться в случае войны на Востоке. Отмечая, что Советский Союз не гарантирован от войны одновременно на два фронта, Романов предостерег: «Если там [на Востоке] не будет крупной нашей базы, то мы не можем драться на Востоке и на Западе. Мы будем иметь то же самое, что имело царское правительство во время Русско-японской войны [1904–1905 гг.], когда всё должны были везти из Центра. Снабжение во время драки только из Москвы и других промышленных баз [на Западе] дело трудное и невозможное»³.

Обоснованная критика из уст Романова прозвучала и в адрес высшего военно-политического руководства СССР: «У меня складывается впечатление, что наша военная стратегическая мысль не имеет никакого влияния на распределение нашей индустрии по определенным районам нашего Союза»; финансовые средства на промышленное строительство зачастую распределяются по регионам «не в силу тех требований, которые предъявляются к тому или иному экономическому району, а по силе политического веса тех или иных наших руководителей»⁴.

Реакция народного комиссара по военным и морским делам К. Е. Ворошилова на критику была резкой и негативной. Выступая с заключительным словом, нарком с раздражением заявил: «Если мы будем нашу экономику строить на панических соображениях, то я боюсь, что мы и там не сможем прочно жить... потому, что... и с Востока мы имеем угрозу уже и теперь не меньшую, чем с Запада»⁵. В тот период военно-политическое руководство СССР не сделало правильных выводов. За близорукость и некомпетентность руководителей военного ведомства пришлось расплачиваться кровью бойцов и командиров Красной армии во время хасанских и халхин-голских событий во второй половине 1930-х гг.

Основную тяжесть военного конфликта в районе озера Хасан (1938 г.) вынес на себе 39-й стрелковый корпус, входивший в состав 1-й армии Краснознаменного Дальневосточного фронта.

Негативное влияние на материально-техническое обеспечение 39-го стрелкового корпуса и приданных ему частей в ходе военного конфликта оказала принятая в 1930-е гг. организационно-штатная структура управлений, учреждений и войск тыла. По штатам мирного времени корпус не имел полноценного тыла. Корпусным органам тыла были предоставлены только инспекторские функции. В итоговых документах Главного военного совета РККА, посвященных хасанской операции, отмечалось: «Если наш устав тыла считает возможным не иметь корпусного звена подвоза (в условиях наличия дорог и автотранспорта), то отсутствие у нас к этому времени корпусного аппарата управления являлось своеобразием, выходящим за рамки понимания нашего устава тыла»⁶.

Положение усугублялось еще и тем, что органы тыла соединений и частей Дальневосточного фронта были не укомплектованы в соответствие со штатами. Нехватка начальствующего состава ощущалась практически во всех звеньях военного управления от фронта до полка. 26 ноября 1938 года комкор Г. М. Штерн признавал, что к началу боевых действий у начальника штаба фронта не было ни одного заместителя и ни одного начальника отдела; в штабе армии было «...не больше 15–20 % личного состава», в 39-м стрелковом корпусе не было ни начальника артиллерии, ни начальника инженерной службы, ни начальника ветеринарной службы, ни начальника разведывательного отделения; такое же положение было и в 40-й стрелковой дивизии»⁷.

Позднее И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов обвиняют в этом командующего войсками Дальневосточного фронта маршала В. К. Блюхера. Однако, по мнению автора, причина «кадрового голода» в соединениях и частях ДВФ во второй половине 1930-х годов заключалась:

- а) в стремительном увеличении количества вновь сформированных соединений и частей;
- б) в массовых репрессиях, развернутых тоталитарным режимом против военных кадров.

Развертывание новых соединений и частей на Дальнем Востоке требовало большого количества командиров (начальников) различного уровня. Однако мобилизационные ресурсы в дальневосточном регионе для этого практически отсутствовали. Поэтому на должности командиров подразделений (частей), начальников служб зачастую назначались военно-служащие, не имевшие необходимых военно-теоретических знаний и практического опыта. Эти недостатки в кадровой политике наглядно проявились в ходе боевых действий у озера Хасан.

Ситуация с военными кадрами осложнялась политическими репрессиями. Решением Главного военного совета РККА от 28 мая – 8 июня 1938 г. Военному совету Дальневосточного фронта предписывалось: «В кратчайший срок очистить командно-политические кадры от врагов народа, от сомнительных и морально разложившихся элементов. Перевести во внутренние округа часть командно-политического состава, преданного Родине и Партии,

но потерявшего остроту политического чутья, сросшегося с местной обстановкой и вследствие этого проявляющегося неуверенность в работе и слабую требовательность по службе и воинской дисциплине. Немедленно уволить из рядов ДКФронта⁸ в запас всех командиров и политработников следующих национальностей: немцев, поляков, латышей, эстонцев, корейцев, финнов, литовцев, румын, турок, венгров и болгар»⁹.

В отношении командно-политического состава соединений и частей РККА, дислоцированных в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке, у И. В. Сталина и его ближайшего окружения было особое недоверие. На этот факт указывают авторы сборника «На границе тучи ходят хмуро...» (Жуковский; М., 2005). Научный сотрудник Российского государственного военного архива Н. С. Тархова приводит в книге текст телеграммы, отправленной Л. З. Мехлисом 26 июня 1938 г. (почти за месяц до хасанских событий) из Иркутска И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову: «Ознакомление с материалами в Новосибирске и Иркутске показывает, что в частях СибВО и ЗабВО имеется значительное количество колчаковцев и бывших белых, активно дравшихся с Красной армией. Сейчас они занимают командные должности, являясь базой контрреволюционных формирований. Без них армия может вполне обойтись, они не дают ходу молодым кадрам. Прошу решить вопрос об их увольнении и распространить это решение, по меньшей мере, на Новосибирск, Читу и Хабаровск. Жду указаний. Мехлис»¹⁰. На следующий день 27 июня 1938 г. на заседании Главного военного совета РККА было принято решение (протокол № 11): «Принять предложение т. Мехлиса (телеграмма № 8 от 26 июня 1938 г.) об изъятии из РККА всех колчаковцев, активно боровшихся против советской власти, находящихся сейчас на командных должностях в Дальневосточном фронте, Забайкальском и Сибирском военных округах. Затребовать от военных советов этих округов и ДКФронта¹¹ представить народному комиссару обороны немедля на всех указанных колчаковцев списки»¹².

Очередная «чистка» в рядах Красной армии еще более обострила кадровую проблему, в том числе и в органах тыла. В штабе 39-го стрелкового корпуса к началу конфликта было всего два должностных лица, отвечавших за устройство тыла и снабжение войск — начальник пятого отделения штаба майор Кошеворов и начальник военно-хозяйственного снабжения интендант первого ранга Дударев. Аналогичная ситуация складывалась в дивизиях и полках. В таких условиях (при фактическом отсутствии в корпусе аппарата тыла) организовать планомерную работу по тыловому обеспечению войск было невозможно.

Изучение источников и литературы приводит к суждению, что организация работы оперативного и войскового тыла на начальном этапе операции (с 29 июля до 3 августа 1938 г.) не соответствовала требованиям руководящих документов того времени. Снабжение частей осуществлялось непланомерно и нерегулярно. С началом боевых действий штаб 1-й армии не имел представления о масштабах военного конфликта и не прогнозировал его затяжной характер. Именно этим, по мнению автора, объясняется та неорганизованность

и беспечность в работе аппарата тыла 1-й армии, которая наблюдалась в этот период. Лишь 3 августа 1938 г. штабом армии был издан приказ по тылу № 5/0137¹³. Это был первый документ, который пытался придать вопросам тылового обеспечения вид какой-то системы. Однако данный приказ был составлен настолько безграмотно, что с первых дней стала ясна неэффективность намеченной схемы организации армейского тыла.

Во-первых, в качестве станции снабжения приказом была определена железнодорожная станция Владивосток, находившаяся на значительном расстоянии (125–150 км) от района боевых действий.

Во-вторых, приказом было предписано развернуть корпусной обменный пункт в районе поселка Славянка. При большом плече подвоза (более 90 км), плохом состоянии дорог и недостатке автомобильного и гужевого транспорта в армии и дивизиях доставка материальных средств частям становилась трудновыполнимой.

В-третьих, решение о развертывании корпусного обменного пункта в районе Славянки вряд ли можно признать целесообразным, так как параллельно грунтовому участку Славянка – Краскино проходил морской путь. Резонно задать вопрос: какой смысл везти грузы морем до Славянки; перегружать их на автомобильный и гужевого транспорт и далее везти сухопутным путем до Краскино, загромождая единственную в этом районе грунтовую дорогу?

В-четвертых, не соответствовал складывающейся обстановке и пункт № 9 этого приказа, согласно которому к 6 августа 1938 года запасы боеприпасов должны быть доведены: в корпусе — до 5, в частях — до 3 боекомплектов (далее — бк).

Пятый отдел штаба армии, внося этот пункт в приказ, не удосужился подсчитать, сколько сил и средств потребуется для его выполнения. Учитывая состав 39-го стрелкового корпуса (32-я, 39-я и 40-я стрелковые дивизии, 2-я отдельная механизированная бригада и 39-й корпусной артиллерийский полк), 5 бк (для создания корпусных запасов) составляли 6600 тонн, 3 бк (для частей) — 3960 тонн. Всего требовалось подвезти к 6 августа 10 560 тонн. Фактически к 10 августа морским и сухопутным транспортом было подвезено только 5136 тонн (48,6 % от запланированного объема), что составило четыре боекомплекта вместо заданных восьми¹⁴.

По мнению автора, вышеуказанные недостатки в организации оперативного и войскового тыла явились следствием неудовлетворительной тыловой выучки, как общевойсковых командиров, так и должностных лиц тыла армии, корпуса и дивизий. Одна из причин низкой оперативно-тыловой подготовки кадров заключалась в том, что в военно-учебных заведениях этому вопросу уделялось недостаточное внимание. В академиях отсутствовали специальные факультеты или отделения оперативно-тылового профиля. Низкий уровень военно-профессиональной подготовки командных (начальствующих) кадров Дальневосточного фронта был обусловлен и политическими репрессиями, развернувшимися в войсках ДВФ во второй половине 1930-х годов. На место арестованных и уволенных из армии командиров

(начальников) выдвигались молодые люди, зачастую не имевшие ни военно-теоретических знаний, ни опыта управления соединениями и частями в боевых условиях.

4 августа 1938 г. Военный совет Дальневосточного фронта направил штабу 1-й армии телеграфное распоряжение № 135/о.п. об организации полевого аппарата армейского снабжения частей 39-го стрелкового корпуса. Возглавить этот аппарат было поручено заместителю начальника снабжения армии. В ночь с 4 на 5 августа в Краскино была направлена небольшая группа работников штаба 1-й армии во главе с заместителем командующего армией комдивом Егоровым и заместителем начальника штаба армии майором Хатимским¹⁵. Вечером 5 августа в Краскино комдив Егоров провел совещание, на котором обсуждались вопросы организации тылового обеспечения соединений и частей 39-го стрелкового корпуса. Первоочередная задача, стоявшая перед командованием, заключалась в организации управления тылом. На совещании была выработана структура войскового тыла и схема управления тыловым обеспечением.

Как показывает исследование, организация тылового обеспечения 39-го стрелкового корпуса имела свои особенности.

Во-первых, функции управления тылом корпуса были сосредоточены в созданном уже в ходе боевых действий отделе армейского полевого снабжения. Начальник пятого отдела штаба корпуса Кошеворов и начальник военно-хозяйственного снабжения корпуса Дударев были включены в состав отдела армейского полевого снабжения. Таким образом, в одном аппарате были сосредоточены вопросы управления армейским и корпусным тылом.

Во-вторых, отдел армейского полевого снабжения во главе с заместителем командующего армией комдивом Егоровым, осуществлявший управление тыловым обеспечением корпуса, не был подчинен командованию 39-го корпуса. В результате этого было нарушено взаимодействие в системе управления войсками и управления тылом. Неурегулированность вопросов подчиненности и отчетности приводила к конфликтам между командованием корпуса (Г. М. Штерном) и представителем армейского командования (Егоровым).

В-третьих, развертывание армейского тыла осуществлялось в условиях фактического отсутствия у 1-й армии необходимых для этого сил и средств.

В соответствии с Уставом тыла (1936 г.), развертывание головных армейских складов и корпусных обменных пунктов относилось к ведению армии. К началу боевых действий армейские органы тыла оказались не укомплектованы личным составом. В распоряжении отдела армейского полевого снабжения имелась небольшая группа начальствующего состава, автомашина и одна стрелковая рота для регулирования движения. Поэтому все задачи по оборудованию головных армейских складов и корпусных обменных пунктов, а также обеспечению их работы, были возложены на командование корпуса и дивизий.

По мнению автора, принятая схема организации армейского и войскового тыла имела существенные недостатки, отрицательно влиявшие на снабжение и обеспечение

соединений и частей 39-го стрелкового корпуса. Решение об объединении вопросов управления тылом армии и корпуса в одном органе в той конкретной обстановке было вынужденным, но наиболее целесообразным. Усилить корпусные органы тыла (точнее, создать их) специалистами тылового профиля из штаба армии не представлялось возможным, так как состав группы был малочисленным, и дальнейшее ее сокращение привело бы к дезорганизации управления армейским тылом. Отсутствие штатных органов тыла в корпусе и значительный некомплект в армейских органах тыла поставили под угрозу выполнение боевой задачи соединениями и частями 39-го стрелкового корпуса.

6 августа 1938 г. частям 39-го стрелкового корпуса был разослан приказ по тылу № 1. Правда, размножить его пришлось рукописным способом. Выезжая из Ворошилова¹⁶, штабные работники в спешке забыли взять печатную машинку, поэтому сотрудникам аппарата тыла пришлось переписывать приказ под диктовку начальника штаба.

В приказе были определены тыловые районы (в соответствии с районами сосредоточения соединений и частей), пути подвоза и эвакуации, места расположения корпусных обменных пунктов (на границе армейского и войскового тыла). Нормы и сроки подачи материальных средств войскам (прежде всего, боеприпасов и продовольствия) не устанавливались, так как подвоз осуществлялся не по плану.

Кроме того, на организацию материально-технического обеспечения войск 39-го стрелкового корпуса отрицательно влияла несогласованность в деятельности органов военного управления. Наличие трех самостоятельных структур, планирующих подвоз — третьего отдела штаба армии в Ворошилове, штаба Тихоокеанского флота во Владивостоке и отдела армейского полевого снабжения в Посьете — приводило к неразберихе и нервозности, увеличивало сроки доставки материальных средств войскам. В результате этого должностные лица тыла 39-го стрелкового корпуса работали в чрезвычайном режиме, «носились по району, пристаням, по частям, разрешая вопросы снабжения»¹⁷. В свою очередь, представители частей ездили по районам, разыскивая «командиров тыла», чтобы решить текущие вопросы снабжения войск.

Для снабжения действующих войск приказом по тылу было определено развертывание головных армейских складов: артиллерийских и продовольственных в Посьете, горючего и смазочных материалов — в Славянке. Однако полноценная система материально-технического обеспечения (прежде всего, артиллерийского и продовольственно-фуражного снабжения) так и не была создана до конца операции. Необходимые для развертывания головных складов силы и средства так и не были собраны. Против развертывания головных складов категорически выступили некоторые руководители армейских служб (в частности, начальники отделов артиллерийского снабжения и продовольственно-фуражного снабжения), не видевшие в этом необходимости.

Возглавлявший продовольственную службу армии Тимченко, несмотря на категорическое требование отдела армейского полевого снабжения об обеспечении головного скла-

да людьми и техническими средствами, упорно отказывался выполнять это распоряжение, ссылаясь на отсутствие личного состава. В результате «в самые тяжелые периоды операции дело продснабжения упиралось в отсутствие достаточно хорошего аппарата в Посьете»¹⁸. После окончания боевых действий двое сотрудников продовольственной службы (в том числе и Тимченко) были арестованы органами НКВД и преданы суду военного трибунала.

Основной пристанью снабжения соединений и частей 39-го стрелкового корпуса стал Посьет — единственный поселок в этом районе, имевший оборудованный причал. Через населенные пункты Посьет и Ханси¹⁹, а также мыс Мраморный (не имевший стационарных пристаней) необходимо было перегрузить тысячи тонн боеприпасов, продовольствия, фуража, горячего, инженерного имущества и других видов материальных средств.

Глубина фарватера и отсутствие необходимого оборудования не позволяли производить разгрузку крупнотоннажных судов. За все время боевых действий удалось с большим трудом пришвартовать к имеющемуся в Посьете причалу только один пароход океанского типа. Это позволило произвести его разгрузку с помощью штатного кранового оборудования. Большинство же грузов приходилось перегружать с теплоходов и пароходов на рейде на мелкие плавсредства (сейнеры, шхуны, шаланды, катера и т. п.), а с последних — на берег. Это значительно увеличивало время разгрузки судов.

Использование пристани в поселке Посьет, как пристани снабжения, выявило еще две проблемы, которые командование фронта и армии заблаговременно не предусмотрело — это нехватка рабочей силы и мелких плавсредств. Пристань снабжения по сравнению со станцией снабжения требует большего количества рабочей силы. На железнодорожной станции выгрузка материальных средств осуществляется из эшелонов сразу на автотранспорт или на грунт, и требует определенного количества личного состава. При разгрузке судов на рейде для обработки такого же количества груза необходимо в два раза больше личного состава — для выгрузки из парохода (на рейде) на мелкие плавсредства, а затем с них — на берег.

Также необходимо отметить, что ограниченное количество пароходов и теплоходов, задействованных для доставки личного состава и материальных средств в Посьет, требовало максимального сокращения времени их разгрузки. Боеприпасы, продовольствие, вещевое и инженерное имущество приходилось сначала выгружать на пристань, имевшую ограниченную площадь, а затем вновь грузить на баржи и шаланды для отправки в Ханси и к мысу Мраморному, где были развернуты корпусные обменные пункты. Это увеличивало трудозатраты и время подачи материальных средств частям и подразделениям.

Отрицательно повлияла на состояние снабжения войск несогласованность в деятельности командования Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота по организации перевозок снабженческих грузов. Начальник штаба Тихоокеанского флота справедливо отмечал: «Я и флот не знаем, что грузить завтра. Прибывают грузы и части, которых я и флот не ожидали. Отсюда не можем подсчитать и подготовить транспорт»²⁰.

Причины этого заключались в отсутствии единой системы управления военными сообщениями. В 1930 г. представители Народного комиссариата по военным и морским делам на морских и речных бассейнах, где имелись военные флоты (флотилии), были переподчинены военно-морскому командованию. Управления были реорганизованы в третьи отделы штабов флотов (флотилий). Начальники отделов подчинялись начальникам штабов флотов (флотилий) и одновременно выполняли функции представителей Народного комиссариата по военным и морским делам на морском и речном бассейнах. По специальной службе они подчинялись начальнику военных сообщений РККА²¹.

В конце 1937 г. в связи с созданием самостоятельного Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР были реорганизованы и полностью переданы ему органы военных сообщений на морском и речном транспорте. В результате этого между органами военных сообщений Народного комиссариата обороны СССР и Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР взаимодействие было нарушено, что и выявил вооруженный конфликт на Дальнем Востоке. По мнению автора, это противоречие можно было разрешить, подчинив командованию Дальневосточного фронта в оперативном отношении транспортные суда Тихоокеанского флота. Однако ни Совет Народных Комиссаров СССР, ни Народный комиссариат обороны СССР своевременно этого не сделали.

Одним из условий успешного выполнения войсками боевых задач в ходе военного конфликта имело своевременное и полное обеспечение советской группировки снарядами, патронами и ручными гранатами. В боевых действиях в районе озера Хасан приняли участие 5 артиллерийских полков, 10 артиллерийских дивизионов, 4 батареи. Обеспечение этих частей осуществляли 7 складов и одна артиллерийская мастерская²². По данным «Советской военной энциклопедии», первоначально огневую поддержку войск должны были осуществлять 237 орудий и небольшое количество минометов²³. В дальнейшем группировка артиллерии была усилена. По данным В. В. Дятлова, по состоянию на 3 августа 1938 г. советская группировка насчитывала 610 орудий (с учетом 45-мм танковых орудий 2-й механизированной бригады)²⁴. 6 августа 1938 г. наступление нашей пехоты и танков поддерживало 344 орудия. За день боя ими был израсходован 49 541 артиллерийский выстрел²⁵. За период активных боевых действий (с 6 по 11 августа 1938 г.) был израсходован 72 381 снаряд²⁶.

Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что артиллерийское снабжение войск во время боевых действий у озера Хасан было организовано неудовлетворительно. Эта оценка прозвучала и в решениях Главного военного совета РККА от 31 августа 1938 г., рассматривавшего итоги хасанской операции: «Войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальники управ-

лений фронта и командиры частей не знали какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снаряжение имеется. Во многих случаях целые артбатареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались не пристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов»²⁷.

Серьезные недостатки выявились и в системе управления артиллерийским снабжением. Службу артиллерийского снабжения в 1-й армии возглавлял начальник артиллерии армии комбриг Иванов, а непосредственное руководство артиллерийским снабжением соединений и частей 39-го стрелкового корпуса осуществлял начальник артиллерии Дальневосточного фронта комбриг П. Н. Яскин²⁸. Это своеобразие

в управлении накладывало свой отпечаток на работу органов артиллерийского снабжения. Аппарат полевого отдела армейского снабжения не имел точных сведений о расходе боеприпасов и потерях материальной части артиллерии. Попытки отдела получить от дивизий и полков хотя бы приблизительные данные были безуспешны. Штаб корпуса не знал реального расхода боеприпасов. Находившийся в районе военного конфликта представитель Управления начальника артиллерии Чернов так описывал эти события в своем дневнике: «Снятие заявок и доставка сведений о расходе огнеприпасов отсутствовали до конца операции. Заявки по звонкам дивизий — “мало” снарядов на о[гневых] п[озициях]; вообще по “сигналам” не конкретно по калибрам и по потребности; все требуют 122-мм [снаряды], а нужны 107-мм [снаряды]»²⁹. Заявки корпуса на отдельные виды боеприпасов, не подкрепленные донесениями об их расходе, не сходились с расчетами армейских довольствующих органов. «Данные разноречивые, данные неверные, не умеют вести расход снарядов

Красноармейцы на привале

и патрон[ов]»³⁰. В результате много времени уходило на телефонные переговоры для уточнения сведений.

Ситуация осложнялась тем, что артиллерия ДВФ была оснащена орудиями практически всех образцов, состоявших в эти годы на вооружении Красной армии (включая орудия образца начала XX в., доставшиеся РККА от царской армии). В начале военного конфликта в 39-м стрелковом корпусе насчитывалось 215 орудий различных систем калибра от 45 до 152 мм. Кроме того, в район боевых действий была направлена батарея 203-мм гаубиц (2 орудия) из состава 187-го артиллерийского полка³¹. Большое количество номенклатуры боеприпасов требовало дополнительного привлечения специалистов для сортировки снарядов и приведения их в окончательно снаряженный вид. Однако в Посьете, куда боеприпасы доставлялись морским транспортом, не было нормальных условий для обработки грузов. Пристань не была оборудована для разгрузки и хранения боеприпасов.

Первоначально на приемке боеприпасов был задействован единственный специалист — начальник артиллерийского снабжения 40-й стрелковой дивизии старший лейтенант Белоусов. С 5 августа приступил к работе представитель службы артиллерийского снабжения армии старший лейтенант Соменко³². Однако этих сил и средств было явно недостаточно для организации нормальной работы службы артиллерийского снабжения. Малочисленность аппарата артиллерийского снабжения в Посьете и отсутствие технических работников (лаборантов) не позволяли своевременно сортировать боеприпасы и складировать их по видам. При дальнейшей их отправке приходилось с трудом отыскивать боеприпасы нужной номенклатуры, что приводило к увеличению времени загрузки войскового транспорта. Были случаи, когда снаряды доставлялись в одно место, а взрыватели — в другое³³.

Архивные документы свидетельствуют, что командование Дальневосточного фронта в сложной обстановке боевых действий оказалось не способным наладить слаженную систему материально-технического обеспечения подчиненных соединений и частей. Вместо продуманных и обоснованных управленческих решений — дерганье и угрозы репрессивными мерами. В этом отношении весьма показателен приказ комкора Г. М. Штерна командованию 32-й стрелковой дивизии: «Командиру и комиссару 32 сд (32-я стрелковая дивизия. — Е. Б.), командиру и комиссару 32 лап (32-й легкий артиллерийский полк. — Е. Б.). Приказываю использовать все средства для переброски снарядов из Заречья в 32 лап. Вся ответственность за это возлагается на Вас обоих и к[оманди]ра и комиссара 32 лап. Для содействия Вам в этом деле посылается работник о[собого] о[тдела] т[оварищ] Мерзленко»³⁴. Такая вот «помощь» — вместо автотранспорта для перевозки боеприпасов сотрудник особого отдела НКВД с «воронком».

Ненормальная ситуация сложилась с учетом вооружения в войсках. Командиры и органы артиллерийского снабжения с началом боевых действий не имели точных данных

о том, сколько и какого оружия находится в подчиненных подразделениях (частях) и сколько осталось в пунктах постоянной дислокации: «За 2–4.08.38 никто не мог сказать, сколько утеряно, подбито оружия. Когда стало приходиться пополнение, стало выясняться, что не хватает оружия»³⁵. Потери вооружения в частях, по оценке Чернова, оказались «громдными». Лишь к 25 августа (то есть уже после окончания боевых действий) удалось наладить учет артиллерийского имущества и вооружения. Потери бронетехники, артиллерии и стрелкового оружия за время боев составили: 72 танка (подбиты японской артиллерией или уничтожены огнем советской артиллерии для предотвращения захвата противником при отсутствии возможности их эвакуации с поля боя), 32 орудия (подбиты или вышли из строя по техническим причинам), 1923 винтовки, 636 пулемётов, 746 пистолетов и револьверов, 193 гранатомета³⁶.

Подвоз боеприпасов для артиллерии и стрелкового оружия осуществлялся неорганизованно, вне всякого плана и графика. Большой расход артиллерийских снарядов, а также отсутствие в частях налаженной системы учета и отчетности приводили к тому, что в адрес фронтовых и армейских довольствующих органов непрерывно шли заявки на боеприпасы. Выполняя распоряжение штаба армии, довольствующие органы спешно отгружали боеприпасы в адрес войск. При этом их доставка в Посьет зачастую производилась с грубым нарушением мер безопасности — на судах, перевозивших одновременно личный состав подразделений, следовавших на фронт. И только пассивность авиации и военно-морского флота Японии позволили избежать огромных человеческих жертв.

С началом активных боевых действий (8–11 августа 1938 г.) потребовалось обеспечить бесперебойное снабжение войск патронами, ручными гранатами и снарядами. Особенно остро ощущалась нехватка 122-мм и 152-мм артиллерийских снарядов и ручных гранат. Лишь благодаря напряженной и самоотверженной работе личного состава — красноармейцев, военных моряков, специалистов гражданского флота — время разгрузки судов удалось значительно сократить. Подтверждением этому служат конкретные цифры: за период с 3 по 10 августа в Посьет поступило 5136 тонн боеприпасов, с 8 по 10 августа было выгружено 4320 тонн (84,11 %) ³⁷. Приведенные выше факты говорят о большой нагрузке, которая легла на органы артиллерийского снабжения Дальневосточного фронта в ходе советско-японского вооруженного конфликта.

Повышенный расход боеприпасов советской артиллерией во время боев у озера Хасан, по мнению автора, был обусловлен:

во-первых, тем, что японцы к началу августа уже успели достаточно прочно укрепиться на захваченных высотах и оборудовать позиции в инженерном отношении;

во-вторых, слабой разведанностью системы огня и укреплений противника; до начала наступления большинство огневых точек японцев не было вскрыто разведкой, и их пришлось подавлять уже в ходе боя, что потребовало повышенного расхода боеприпасов;

в-третьих, низкой выучкой артиллеристских подразделений, особенно в ведении огня с закрытых огневых позиций и подавлении ненаблюдаемых целей;

в-четвертых, отсутствием взаимодействия между огневыми подразделениями, подразделениями артиллерийской инструментальной разведки и авиацией, предназначенной для корректировки огня;

в-пятых, слабым взаимодействием между пехотой, танками и артиллерией при ведении боя; неумением пехотных командиров ставить конкретные задачи приданной и поддерживающей артиллерии по уничтожению живой силы и подавлению огневых средств противника.

К сожалению, уроки хасанских событий не были учтены в дальнейшем. В ходе советско-японского военного конфликта в районе Халхин-Гол (1939 г.) и во время Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) эти недостатки вновь проявились в организации артиллерийского обеспечения Красной армии.

Продовольственно-фуражное обеспечение войск в период операции осуществлялось штатными органами продовольственной службы 1-й армии, 39-го стрелкового корпуса и входивших в него дивизий и полков. Уже с первых дней вооруженный конфликт выявил несоответствие между принятой на мирное время организационно-штатной структурой тыла и требованиями боевой практики. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «О состоянии обозно-вещевого и продовольственного снабжения РККА» от 9 августа 1935 г. хотя и приблизило схему материального снабжения вооруженных сил к потребностям войны, но не ликвидировало имевшийся в ней разрыв при переводе войск с мирного на военное время³⁸.

Какими же силами и средствами располагали органы тыла для снабжения продовольствием и фуражом войск, задействованных в отражении японской агрессии? В армии имелся немногочисленный по составу отдел продовольственного снабжения. В корпусе штатом была предусмотрена должность начальника военно-хозяйственного снабжения «с функциями инспектирования и контроля состояния снабжения в частях корпуса»³⁹. В дивизии при начальнике военно-хозяйственного снабжения существовал «небольшой контрольно-учетный аппарат в составе двух отделений: обозно-вещевого и продовольственного»⁴⁰. В полку была учреждена должность начальника продовольственного снабжения⁴¹. Таким образом, корпус и дивизия практически выпадали из схемы материального снабжения, так как выполняли лишь контролирующие функции.

Вся тяжесть продовольственно-фуражного обеспечения легла на армейские и полковые органы тыла. Снабжение соединений и частей продовольствием и фуражом осуществлялось напрямую из армейских складов. Однако с развертыванием головного продовольственного склада в боевых условиях возникли серьезные трудности. Начальник продовольственной службы 1-й армии Тимченко категорически выступил против разверты-

вания головного склада, считая, что в этом нет необходимости. По требованию армейского командования склад все-таки был развернут (хотя и со значительным опозданием) в поселке Посьет на базе имевшихся там запасов продовольствия и фуража для частей местного гарнизона.

До 6 августа вся администрация головного склада состояла из четырех человек: один средний командир, один младший командир и два красноармейца. Понятно, что таким составом невозможно обеспечить нормальную работу по снабжению продовольствием и фуражом 15-тысячной группировки войск. Для укомплектования администрации склада из частей, не участвовавших в операции, в Посьет были направлены еще четыре человека. 8 августа сюда прибыли Маслов, назначенный на должность начальника склада, два младших командира (заведующие хранилищами) и писарь⁴². Однако это усиление не решило проблемы организации бесперебойного снабжения войск продовольствием и фуражом. «Перечисленный выше аппарат головного склада ни в какой степени не был в состоянии обслужить и разрешить стоящие перед ним задачи», — отмечалось в итоговых документах Главного военного совета РККА по хасанским событиям⁴³.

Неподготовленность инфраструктуры тыла, отсутствие четко выработанной схемы продовольственного снабжения, низкая профессиональная подготовка работников продовольственной службы, а порой и безответственность, стали причинами перебоев в снабжении войск продовольствием. Имели место и вопиющие случаи, когда вместо требуемых продуктов частям отправлялся комбикорм⁴⁴. Подобные факты не могли не остаться вне поля зрения особых отделов НКВД. Начальник продовольственного отдела армии Тимченко и начальник головного склада Маслов были арестованы и преданы суду военного трибунала.

Неподготовленными к действиям в боевой обстановке оказались и продовольственные службы некоторых частей. Беспечность и неорганизованность, царившие в некоторых полках, привели к тому, что «при подъеме войск по тревоге и выходе их в район боевых действий часть полевых кухонь, продовольствие и фураж, предназначенные для обеспечения личного состава питанием и кормления лошадей, остались в местах постоянной дислокации»⁴⁵. Приходилось принимать дополнительные меры для того, чтобы не допустить серьезных срывов в организации питания личного состава. Лишь сухая погода во время операции и небольшая глубина войсковых районов (15–20 км) позволили избежать перебоев в продовольственно-фуражном обеспечении частей.

Одной из проблем, которую пришлось решать органам тыла во время боевых действий, было обеспечение частей и подразделений питьевой водой. До начала вооруженного конфликта инженерная разведка данного района не производилась и источники водоснабжения заранее не были определены. Запасы воды в колодцах, расположенных у пограничных застав, были незначительны, и не могли обеспечить потребности прибывших частей. Уже через несколько дней вода в колодцах иссякла, и войска вынуждены были использовать

воду из случайно обнаруженных родников или открытых водоемов. Это привело к возникновению желудочно-инфекционных заболеваний среди личного состава.

Серьезным испытанием для продовольственной службы стали проливные дожди, начавшиеся 13 августа. Боевые действия к этому времени уже закончились, но войска по-прежнему оставались на своих позициях вдоль границы. И если во время операции среди снабженческих грузов преобладали боеприпасы, то с окончанием боевых действий основную часть составили продовольствие и фураж. С началом дождей ручьи превратились в бурные реки, а заболоченные низины в озера. Грунтовые дороги были размыты, а многие мосты снесены половодьем. Дорога Посъет – Краскино – Фаташи⁴⁶ оказалась разрезанной на изолированные участки. Несколько должностных лиц штаба 1-й армии, выехав из Краскино по этому шоссе, оказались заблокированными водой. Шоссе было размыто в нескольких местах. Невозможно было ни двигаться вперед, ни вернуться назад. В катастрофическом положении оказались водители автомашин, застигнутые в пути ливнями. Вода окружала людей и транспорт, преграждая им путь для движения.

Природная стихия до предела осложнила работу органов снабжения. Подвоз в войсковом тылу в районе основной группировки войск 14 августа сократился в два раза, а с 15 августа почти полностью прекратился⁴⁷. Ни автомобильный, ни гужевой транспорт не могли работать в таких условиях. По данным отдела армейского полевого снабжения, обеспеченность войск продфуражом на 17 августа составляла: 2 сутодачи продовольствия, 1–1,5 сутодачи хлеба, 0,5–1 сутодачи овса. Однако уже 16 августа 32-я и 40-я стрелковые дивизии докладывали о расходе носимого неприкосновенного запаса⁴⁸.

Наибольшие трудности возникли с доставкой продовольствия частям северной группы войск (26-я и 39-я стрелковые дивизии). Подвоз грузов для них осуществлялся по грунту по маршруту Краскино – гора Сахарная головка. Через многочисленные протоки, образовавшиеся на шоссе, продовольствие переправлялось на шаландах, с помощью привязанных к ним веревок. До следующей протоки груз перевозился на машинах, которые оказались на дороге, разрезанной водой на отдельные участки⁴⁹. Таким способом продовольствие проталкивалось по шоссе от Краскино до Нижнего Фаташи силами и средствами отдела армейского полевого снабжения. Далее груз таким же способом доставлялся силами 26-й стрелковой дивизии, располагавшейся в районе Нижнее Янчехе – Верхнее Фаташи – Синдхой⁵⁰.

Такая же ситуация складывалась и в районе дислокации южной группы войск. Так, например, обозы с продовольствием, следовавшие с корпусного обменного пункта, расположенного в районе мыса Мраморного, вынуждены были переправляться через овраги восточнее озера Заречное вплавь. Кузова повозок с продовольствием, ящики с консервами снимались и с помощью веревок перетаскивались с одного берега на другой⁵¹.

Многие части и подразделения 39-й стрелковой дивизии оказались заблокированными водой, залившей долины. 15 августа 1938 г. секретарь партийной комиссии дивизии, прибывший

в отдел армейского полевого снабжения, сообщил, что в районе западнее сопки Карантин водой отрезаны два подразделения (стрелковый батальон и противотанковый дивизион 119-го стрелкового полка), которые не имеют продовольствия⁵². Военнослужащие были вынуждены спасаться на сопках. Техника, которую не успели вытащить на возвышенности, оказалась залита водой. Известен случай, когда перевозившая продовольствие лодка А-3 наткнулась на выхлопную трубу трактора, находившегося под водой. Пробив дно, лодка начала тонуть. Потребовалось немало усилий, чтобы спасти находившийся в ней груз.

Для снабжения южной группировки войск (32-я и 40-я стрелковые дивизии, 2-я механизированная бригада) были задействованы все имеющиеся в этом районе плавсредства: состоящие на вооружении инженерных частей лодки А-3, а также рыболовецкие шхуны, сейнеры, шаланды, моторные лодки. В поселках Краскино, Посъет, Зайсановка у гражданских организаций и частных лиц были мобилизованы шаланды, кавасаки и рыбацкие лодки. Весь подвоз продовольствия осуществлялся из Посъета по бухте Экспедиции, далее через протоку Тонбогатый по разлившимся рекам и ручьям до озера Заречное и далее в войска. В этих условиях хорошо зарекомендовали себя шаланды. Именно они стали основным средством подвоза в условиях, когда ни автомобильный, ни гужевой транспорт не мог работать. Правда, для протаскивания шаланд (особенно при спаде воды) требовалось большое количество рабочей силы. К работе были привлечены не только военнослужащие, но и местное население, а также заключенные лагерей НКВД, которые волоком протаскивали шаланды в мелководных местах. За период с 17 по 28 августа таким способом войскам было доставлено почти 300 тонн продовольствия и фуража⁵³.

Сложные природные условия и отсутствие корпусного аппарата тыла потребовали принятия чрезвычайных мер для организации бесперебойного снабжения частей продовольствием, фуражом и другими материальными средствами. 21 августа 1938 г. приказом командира 39-го стрелкового корпуса комкора Г. М. Штерна был назначен чрезвычайный уполномоченный по снабжению войск. В приказе было записано: «Главной задачей чрезвычайному уполномоченному на сегодня ставлю, во что бы то ни стало продвинуть грузы с Заречья и Мраморное до войск»⁵⁴. Назначение чрезвычайного уполномоченного по снабжению войск в тех конкретных условиях было оправданным, и сыграло положительную роль в налаживании работы войскового тыла. Однако это привело к обострению отношений между представителями отдела армейского полевого снабжения и штаба корпуса, особенно в случаях использования чрезвычайных полномочий в пределах армейского тыла. Предотвратить эти противоречия можно было, подчинив аппарат отдела командованию 39-го стрелкового корпуса. Но этого не было сделано ни в период проведения операции, ни после окончания активных боевых действий в условиях стихийного бедствия.

К 26 августа дожди прекратились, и вода пошла на спад. С прекращением дождей условия подвоза не только не улучшились, но еще более усложнились. Дороги были размыты,

мосты разрушены, а протоки обмелели. В устье протоки Тонбогатый застряло несколько шаланд с грузом⁵⁵. Подвоз материальных средств был организован гужевым транспортом с базированием на поселок Ханси и мыс Мраморный. Там, где позволяли дорожные условия, использовались трактора. Однако темпы доставки грузов были крайне низкими: путь от корпусного обменного пункта (в районе мыса Мраморного) до района расположения частей (высоты 194,0 и 86,8) протяженностью 21–28 км колесные трактора с прицепами проходили за 20–30 часов; расстояние от западного побережья озера Заречное (где разгружались шаланды с продовольствием) до того же района (6–14 км) техника и обозы преодолевали за 8–20 часов⁵⁶. Нередко личному составу приходилось разгружать повозки и переносить на себе груз через топкие места, так как гужевой транспорт не мог пройти.

С 30 августа по 5 сентября природа нанесла новый удар. Вновь начались ливни и ураганные ветры. Подвоз продовольствия снова пошел на плавсредствах. В критических ситуациях, когда подвоз по грунту и воде был невозможен, использовалась авиация. Для доставки продуктов были задействованы учебные самолеты (У-2), бомбардировщики и гидросамолеты. Районы выброски указывались штабом корпуса в заявках. Продовольствие (в основном хлеб, галеты, мясные и рыбные консервы) укладывались в мешки по 30–40 кг. На местности районы приема грузов обозначались кострами или простынями, выложенными в форме крестов. Сброс грузов осуществлялся, как правило, без парашютов. Это приводило к тому, что большая часть мешков рвалась при ударе о землю.

Применение авиации для доставки продовольствия войскам ограничивалось сложными метеоусловиями (низкая облачность, сильный порывистый ветер), отсутствием грузовых парашютов и высокой себестоимостью. Действия транспортной авиации осложнялись отсутствием в районе вооруженного конфликта аэродромов с твердым покрытием. В период дождей полевые аэродромы раскисли, дороги к ним оказались размыты водой, поэтому даже при подвозе продовольствия с баз и складов к аэродромам возникли большие трудности. Всего авиацией было перевезено более 60 тонн продовольствия⁵⁷. Полностью удовлетворить потребности войск в продовольствии за счет авиационных перевозок в тех условиях не представлялось возможным, так как для снабжения частей, расположенных на значительной территории, требовалось большое количество самолетов. Командование Дальневосточного фронта не располагало такими силами и средствами.

Вооруженный конфликт стал серьезной проверкой готовности службы обзотно-вещевого снабжения к работе в боевой обстановке. Уже с первых дней выявилась халатность и безответственность как отдельных командиров, так и должностных лиц тыла. При подъеме по тревоге и выходе в районы сосредоточения большинство частей оставили на зимних квартирах палатки, ковочный материал, часть походных кухонь, возимый запас вещевого имущества. Отчасти это объясняется тем, что полки не имели необходимого количества автомобильного и гужевого транспорта, способного поднять все запасы материальных

средств. В скором времени части почувствовали потребность в имуществе, так неосмотрительно оставленном в пунктах постоянной дислокации. Службе обозно-вещевого снабжения армии пришлось срочно восполнять недостающее имущество.

Обеспечение соединений и частей, участвовавших в боевой операции, первоначально осуществлялось за счет войсковых запасов. 40-я стрелковая дивизия довольствовалась со своих войсковых складов. С 6 августа, когда в Посьете был развернут головной склад, снабжение соединений и частей 39-го стрелкового корпуса стало производиться через отдел армейского полевого снабжения. Деятельность склада была сопряжена с большими трудностями: отсутствовали помещения для хранения материальных средств, не хватало специалистов интендантского профиля и рабочей силы для обработки грузов. В составе аппарата склада было всего восемь человек. В основном это были командиры, призванные из запаса и не имевшие специальной тыловой подготовки. Многие из них не имели представления о номенклатуре обозно-вещевого имущества, а некоторые даже не знали названий отдельных предметов.

Одним из недостатков, проявившихся в деятельности службы обозно-вещевого снабжения, было отсутствие четкой системы управления снабжением. Командиры частей (подразделений) и должностные лица, отвечавшие за снабжение, плохо знали требования руководящих документов по организации материально-технического обеспечения в военное время и не руководствовались ими в практической деятельности. Заявки на вещевое и обозное имущество поступали в армейские и корпусные довольствующие органы не только через начальников военно-хозяйственного довольствия дивизий, но и напрямую от полков. Это приводило к путанице в учете и не позволяло выяснить реальные потребности войск. К тому же некоторые начальники подавали завышенные заявки, и довольствующим органам приходилось проверять их обоснованность на местах.

Большая работа была проделана службой обозно-вещевого снабжения по обеспечению обмундированием, обувью и снаряжением личного состава, призванного из запаса и прибывшего для доукомплектования дивизий и полков 39-го стрелкового корпуса. За время операции частям было выдано: 35 тыс. комплектов летнего обмундирования, 4 тыс. шинелей, 5 тыс. плащ-палаток, 20 тыс. пар обуви, 30 походных кухонь и другое имущество⁵⁸.

Оценивая деятельность органов обозно-вещевой службы 1-й армии и 39-го стрелкового корпуса, необходимо отметить, что в ходе боевых действий им удалось справиться (хотя и с трудом) с поставленными задачами только благодаря теплоту времени года. Можно только представить, что ожидало личный состав в малообжитой местности, при отсутствии транспортных коммуникаций и плохо организованной системе снабжения в зимних условиях. События Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) наглядно это показали.

Вооруженный конфликт в районе озера Хасан завершился разгромом японской группировки. Это был серьезный удар по экспансионистским планам Японии в отношении дальневосточных территорий СССР. Советский Союз проявил непоколебимую твердость в от-

стаивании своей территориальной целостности, а также продемонстрировал готовность и решимость дать сокрушительный отпор агрессору.

Боевые действия показали: с одной стороны — высокий моральный дух бойцов и командиров Красной армии, их готовность к защите Родины; с другой — низкую мобилизационную и боевую готовность войск Дальневосточного фронта, неподготовленность дальневосточного театра военных действий в оперативном и тыловом отношении к ведению военных действий, крупные просчеты в организации материально-технического обеспечения соединений и частей Красной армии.

Анализ источников и литературы позволяет сделать вывод о том, что опыт работы органов и служб тыла Дальневосточного фронта в военном конфликте у озера Хасан, как, впрочем, и в советско-японском военном конфликте в районе Халхин-Гола (1939 г.) и в ходе Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.), не был должным образом изучен и учтен, ни политическим руководством страны, ни высшим командным составом РККА. Начальник снабжения Красной армии А. В. Хрулёв в справке-докладе «О состоянии военно-хозяйственного обеспечения войск» от 15 мая 1940 г. писал: «Боевые операции Красной армии 1939–1940 гг. показали слабую подготовленность армейского и войскового тыла: явилось это результатом того, что руководство организацией тыла и тыловой подготовкой начальствующего состава и тыловых учреждений в армии отсутствует. За последние два года в армии не было, например, ни одного специального тылового учения, не было учебных сборов работников служб тыла; в то же время в армии произошли большие изменения в личном составе и почти полное обновление руководящих командных и штабных кадров, пришедших на эту работу, как правило, без всякого представления об организации тыла и снабжения»⁵⁹.

Более жесткие оценки оперативно-тыловой подготовки командных кадров были даны в директиве Народного комиссара обороны СССР от 25 января 1941 г. В ней отмечалось, что высший командный состав пренебрежительно относится к вопросам боевого и материального обеспечения операции. Войсковые штабы, армейские и фронтовые управления не овладели в достаточной степени искусством обеспечения операции материально-техническими средствами, умением организовать армейский и фронтовой тыл, управлять им, организовывать службу регулирования и твердый порядок в тылу. В заключение следовал вывод о том, что «...при таком уровне оперативной подготовки высшего командного состава и штабов рассчитывать на решительный успех в современной операции нельзя»⁶⁰.

Подводя итоги, следует сделать следующие выводы.

Во-первых, службы тыла Дальневосточного фронта оказались не подготовленными и не готовыми к работе в боевой обстановке.

Во-вторых, значительная часть должностных лиц органов тыла показала в период боевых действий низкую профессиональную подготовку и слабые организаторские способности.

В-третьих, Дальневосточный театр военных действий заблаговременно не был подготовлен к военным действиям в тыловом отношении:

— емкость складских помещений не обеспечивала хранение материальных средств в соответствии с потребностями мирного и военного времени;

— размещение складов и баз не в полной мере обеспечивало отмотилизование и развертывание войск в случае войны;

— транспортные коммуникации не были подготовлены, отсутствовали железные и шоссейные дороги в направлении к границе и вдоль ее;

— на океанском побережье Посъетского района отсутствовали порты и оборудованные пристани;

— аэродромная сеть не развита, большинство аэродромов не имело твердого покрытия.

В-четвертых, организационно-штатная структура управлений, частей и учреждений тыла не обеспечивала их быстрый и организованный перевод с мирного на военное положение.

В-пятых, большой некомплект специалистов тыла в соединениях и частях Дальневосточного фронта осложнил работу по материально-техническому обеспечению войск.

Изучение вооруженного конфликта на советско-маньчжурской границе в июле – августе 1938 г. позволяет извлечь определенные уроки для теории и практики материально-технического обеспечения войск в современных условиях:

во-первых, обустройство территории военных округов в оперативном и тыловом отношении является обязанностью не только военного ведомства, но прежде всего государства;

во-вторых, инфраструктура тыла на театре военных действий должна обеспечивать своевременное отмотилизование и развертывание войск и их бесперебойное обеспечение в любых условиях;

в-третьих, органы материально-технического обеспечения должны иметь такую организационно-штатную структуру, которая обеспечивала бы их перевод с мирного на военное положение в кратчайшие сроки.

¹ Во время советско-японского вооруженного конфликта в районе озера Хасан (1938 г.) комкор Г. М. Штерн занимал должность начальника штаба Краснознаменного Дальневосточного фронта (с мая 1938 г.); 31 июля 1938 г. был назначен по совместительству командиром 39-го стрелкового корпуса; с августа 1938 по июнь 1939 г. командовал 1-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией.

² Цит. по: Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.: Документы и материалы / Сост.: П. Н. Бобылев, А. С. Князьков, Р. В. Мазуркевич и др. М., 2006. С. 210.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 74. Оп. 2. Д. 14. Л. 62.

⁴ Там же. Л. 62–63.

- ⁵ Там же. Д. 13. Л. 11.
- ⁶ Цит. по: На границе тучи ходят хмуро... (к 65-летию событий у озера Хасан): Аналитические материалы / Под общ. ред. Н. И. Резника; сост.: И. И. Басик, В. Л. Воронцов, В. И. Кортаев и др. Жуковский; М., 2005. С. 266.
- ⁷ См.: Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг. М., 2006. С. 208.
- ⁸ Так в документе.
- ⁹ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы / Сост.: А. Н. Баженов, П. Н. Бобылев, И. В. Власова и др. М., 2004. С. 84–85.
- ¹⁰ Цит. по: На границе тучи ходят хмуро... С. 164.
- ¹¹ Так в документе.
- ¹² Главный военный совет РККА... С. 110.
- ¹³ Цит. по: На границе тучи ходят хмуро... С. 260–261.
- ¹⁴ Подсчитано автором по: На границе тучи ходят хмуро... С. 265.
- ¹⁵ Там же. С. 263.
- ¹⁶ Ворошилов — город в Приморском крае; в настоящее время город Уссурийск (с 1957 г.).
- ¹⁷ Цит. по: На границе тучи ходят хмуро... С. 265.
- ¹⁸ Там же. С. 268–269.
- ¹⁹ Ханси — село в Приморском крае; в настоящее время село Маячное (переименовано в 1972 г. в ходе реализации программы по ликвидации китайских названий на территории Дальнего Востока СССР).
- ²⁰ Цит. по: На границе тучи ходят хмуро... С. 262.
- ²¹ См.: История службы военных сообщений и железнодорожных войск Советской армии: В 2 ч. Ч. 2. Л., 1953. С. 56.
- ²² На границе тучи ходят хмуро... С. 138–139.
- ²³ Советская военная энциклопедия: В 8 т. Т. 8. М., 1980. С. 367.
- ²⁴ См.: Дятлов В. В. «Одной артиллерией можно было все решить». Применение советской артиллерии в вооруженном конфликте у озера Хасан // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 47.
- ²⁵ На границе тучи ходят хмуро... С. 139.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Главный военный совет РККА... С. 137.
- ²⁸ На границе тучи ходят хмуро... С. 272.
- ²⁹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 10–10 об.
- ³⁰ Там же. Л. 10 об.
- ³¹ См.: Дятлов В. В. «Одной артиллерией можно было все решить». С. 45.
- ³² На границе тучи ходят хмуро... С. 273.
- ³³ См.: Волкотрубенко И. И. Служба боевого снабжения войск: Краткий исторический очерк. Пенза, 1966. С. 159.
- ³⁴ Цит. по: Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007. С. 192.
- ³⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 10 об.
- ³⁶ См.: Дятлов В. В. «Одной артиллерией можно было все решить». С. 48.
- ³⁷ Подсчитано автором по: На границе тучи ходят хмуро... С. 258.
- ³⁸ Подробнее см.: Бочков Е. А. Реорганизация обозно-вещевого и продовольственного снабжения РККА // Исторический архив. 2006. № 1. С. 158–168.

- ³⁹ Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 20. Д. 31. Л. 5 об.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² На границе тучи ходят хмуро... С. 276.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 277.
- ⁴⁵ *Вещиков П. И., Огуречников А. А., Шанин А. В.* Продовольственная служба Вооруженных Сил России. М., 1999. С. 163–164.
- ⁴⁶ Фаташи — село в Приморском крае; в настоящее время село Камышовое.
- ⁴⁷ На границе тучи ходят хмуро... С. 287.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ История Тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII–XX вв.): В 4 кн. Кн. 2. СПб., 2000. С. 196.
- ⁵⁰ На границе тучи ходят хмуро... С. 285–286.
- ⁵¹ Там же. С. 286.
- ⁵² Там же. С. 285–286.
- ⁵³ Там же. С. 287.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 290.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 291.
- ⁵⁸ История Тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII–XX вв.). Кн. 2. С. 196.
- ⁵⁹ Тыл Вооруженных сил в документах. М., 2000. С 6–7.
- ⁶⁰ Цит. по: Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Ч. 1. Л., 1963. С. 22.

Bochkov E. A. Features of the material Support Organization of the Far-Eastern Front Forces in the period of the Soviet-Japanese military conflict around Lake Khasan (1938)

ABSTRACT: The activity of the Far-Eastern front in the material support organization for the soviet forces in the period of the military conflict in the area of Lake Khasan (1938) is considered in the article.

KEYWORDS: the Red Army, the Far-Eastern front, military conflict, material support, artillery supply, food-fodder supply, wagon train-clothing supply.

AUTHOR: Ph. D. in History, Professor, Leningrad state University of a name of A. S. Pushkin (Saint-Petersburg); be57@yandex.ru

REFERENCES

- ¹ Voennyi sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. 1938, 1940 gg.: Dokumenty i materialy / Sost.: P. N. Bobylev, A. S. Kniazkov, R. V. Mazurkevich i dr. Moscow, 2006.

² Russian State Archive of social and political history.

³ Na granitse tuchi khodiat khmuro... (k 65-letiiu sobytii u ozera Khasan): Analiticheskie materialy / Pod obshch. red. N. I. Reznika; sost.: I. I. Basik, V. L. Vorontcov, V. I. Korotaev i dr. Zhukovskii-Moscow, 2005.

⁴ Glavnyi voennyi sovet RKKA. 13 marta 1938 g. – 20 iunia 1941 g.: Dokumenty i materialy / Sost.: A. N. Bazhenov, P. N. Bobylev, I. V. Vlasova i dr. Moscow, 2004.

⁵ Istoriia sluzhby voennykh soobshchenii i zheleznodorozhnykh voisk Sovetskoj armii: V 2 ch. Ch. 2. Leningrad, 1953.

⁶ Sovetskaia voennaia entsiklopediia: V 8 t. T. 8. Moscow, 1980.

⁷ Diatlov V. V. «Odnou artilleriei možno bylo vse reshiti». Primenenie sovetskoj artillerii v vooruzhennom konflikte u ozera Khasan // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2012. N 7.

⁸ Volkotrubenko I. I. Sluzhba boevogo snabzheniia voisk: Kratkii istoricheskii ocherk. Penza, 1966.

⁹ Milbakh V. S. Osobaia Krasnoznamennaia Dalnevostochnaia armii (Krasnoznamennyi Dalnevostochnyi front). Politicheskie repressii komandno-nachalstvuiushchego sostava, 1937–1938 gg. St.-Petersburg, 2007.

¹⁰ Military-historical museum of artillery, engineer and signal corps' archive.

¹¹ Bochkov E. A. Reorganizatsiia obozno-veshchevogo i prodovolstvennogo snabzheniia RKKA // Istoricheskii arkhiv. 2006. N 1.

¹² Russian State Military Archive.

¹³ Veshchikov P. I., Ogurechnikov A. A., Shanin A. V. Prodovolstvennaia sluzhba Vooruzhennykh Sil Rossii. Moscow, 1999.

¹⁴ Istoriia Tyla Rossiiskikh Vooruzhennykh Sil (XVIII–XX vv.): V 4 kn. Kn. 2. St.-Petersburg, 2000.

¹⁵ Tyl Sovetskoj armii v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.). Ch. 1. Leningrad, 1963.